

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛЕНКО

«У СТАНДАРТА ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ...»

Валерий Иванович Михайленко — один из ведущих отечественных историков международных отношений. Заслуженный деятель науки Российской Федерации В.И. Михайленко окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького в 1968 г. В 1988-м защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук на тему «История итальянского фашизма в национальной историографии». В.И. Михайленко — автор большого числа научных трудов, в которых он затрагивает проблемы тоталитаризма в истории XX века, вопросы эволюции Европейского Союза, итальянской внешней политики, развития различных направлений теории международных отношений. В 1990-х годах он выступил одним из основателей екатеринбургской школы международных отношений, возглавив кафедру теории и истории международных отношений Уральского государственного университета. В 2001 г. основал факультет международных отношений, заработавший авторитет как одна из крупных отечественных школ

подготовки международных кадров. В ходе реформы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина факультет был преобразован в Департамент международных отношений. В настоящее время В.И. Михайленко продолжает активную научную и преподавательскую деятельность.

В конце 2019 г. профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета Елена Владимировна Хахалкина встретила с Валерием Ивановичем и взяла у него интервью для журнала «Международные процессы».

Е.Х.: Валерий Иванович, мой первый вопрос касается научных школ. Какова их роль в познании современного мира? К какой научной школе Вы себя причисляете?

В.М.: Когда я в 1977 г. с гордостью проговорил руководителю моей стажировки в Риме Ренцо Де Феличе¹, что коллектив кафедры занимается комплексной разра-

Данная публикация подготовлена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (№8. 01.08.2020). В материале использована фотография В.И. Михайленко, размещённая на его персональной странице на сайте Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. URL: <https://science.urfu.ru/ru/persons/валерий-иванович-михайленко>.

¹ Ренцо Де Феличе (1929–1996) — авторитетный итальянский историк, специалист по изучению фашистского периода в истории Италии, автор биографии Бенито Муссолини.

боткой научной темы, он с иронией спросил: «Как это? Один пришивает лацкан, другой рукав, третий пуговицы?» Сам Де Феличе, оказавший влияние на формирование научной тематики двух десятков учеников и изменивший историографический ландшафт в Италии, исповедовал сугубо индивидуальный ревизионистский метод постижения истины. Его ученики были объединены темой, но не научным инструментарием.

Сейчас мало кто помнит отчаянные слова Ю.Н. Афанасьева² в период горбачёвской перестройки о том, что советские учёные даже не понимают «научный язык забугорной науки». Я придерживаюсь мнения о безусловном существовании единого мирового научного пространства, в котором могут присутствовать национальные идеи, различные теории, методологические подходы, научные школы, исследовательские темы. Именно филиация идей, обмен практическим опытом обеспечивают движение науки.

Абсолютизация одной концепции, а ещё хуже её государственно-охранительная поддержка ведут к окукливанию идей и зачастую к общественному застою. Сошлюсь на судьбы оптимистических теорий «модернизации» и «демократического транзита», господствовавших на постсоветском пространстве. Как сейчас выясняется, без подключения теорий элит, психоанализа и других смежных научных подходов невозможно понять политические процессы в новых развивающихся государствах. Для себя я сформулировал принцип «эклектики в мире ускользающих истин».

Е.Х.: *У меня вопрос «глобального» масштаба. Как бы Вы определили современный мировой порядок и можно ли говорить сегодня о кризисе глобальной управляемости?*

В.М.: Здесь важно, кто и с какой точки зрения смотрит на мировой порядок. В годы

Второй мировой войны сложился мировой порядок, управляемый четырьмя государствами. Система международных отношений меняла свою конфигурацию неоднократно: кондоминиум четырёх держав, биполярная система, американский глобализм, посттегемонистический глобальный порядок... В данном случае во главу угла ставятся изменения баланса сил. Всё верно, но это не единственный критерий. Я неоднократно пытался привлечь внимание к *ценностным основаниям* Ялтинского мирового порядка [Михайленко 2016], формулирование которых и их имплементация в международно-правовые нормы, международные и национальные институты происходила, начиная с Атлантической хартии. Именно они сформировали и обосновали *стандарт цивилизованности*. Фундамент цивилизованности составили примат человека над государством и права человека. Так, мировое сообщество, включая Советский Союз, реагировало на нацифашистский массовый геноцид, страшную мировую войну. В 1945 г. США и Советский Союз сошлись на концепте демократии как универсальной ценности, которую подкрепляют Всеобщая декларация прав человека, ООН, ЮНЕСКО.

Этот стандарт цивилизованности нашёл отражение в послевоенных конституциях практически всех стран. Под его лозунгами шёл антиколониальный процесс. Предвижу ваше возражение относительно того, что за демократическим фасадом во многих странах происходили отклонения от общепризнанных норм. Да, это так. Но для того и служат типологически обоснованные стандарты, чтобы по ним делать замеры.

Всё-таки придётся в этом месте отвлечься на одну принципиально важную тему. Как правило, этот цивилизационный стандарт умышленно называют *либеральным*. Для одних это имеет стратегическое значение при осуществлении экспансионист-

² Афанасьев Юрий Николаевич (1934–2015) — специалист по социальной истории и новейшей истории России. Занимался изучением французской «школы Анналов». Известен в том числе острой критикой советской исторической науки. В конце 1980-х — начале 1990-х годов вёл активную политическую деятельность.

ских намерений, для других используется как фетиш с негативным оттенком. На мой взгляд, вклад в послевоенный цивилизационный стандарт теорий и практики либерализма не больший, чем у идей социального государства, тред-юнионизма и др., практиковавшихся в тоталитарных государствах. В качестве примера сошлюсь на то, что в «самой прогрессивной Конституции Итальянской Республики» вы найдёте следы преемственности фашистского корпоративизма [Парлато 2010].

В области международных отношений отступление от таких цивилизационных стандартов, как уважение суверенитета государств, невмешательство во внутренние дела, неприменение силы, влечёт за собой имиджевые потери, санкции, гуманитарные интервенции и др. Совет Безопасности обладает консенсусным механизмом реагирования на отклонения от международного стандарта. Базовые принципы остаются неизменными, однако появление новых угроз (например, гибридные войны, международный терроризм, кибератаки) влечёт за собой внесение изменений в международно-правовую базу безопасности. В качестве примера могу сослаться на материалы монографии, изданной под редакцией А. Ланчиотти и А. Танци, в которой итальянские международники-правоведы разбирают кейсы использования силы и легитимной обороны в современном международном праве [Uso della forza... 2012]. Речь идёт о правоприменении в ситуациях с гуманитарной интервенцией, в отношении негосударственных игроков, борьбе против международного пиратства, противодействию вооружённым силам, используемым в рамках миротворческих операций. Другими словами, с 1945 г. идёт рутинная работа по корректировке системы глобального управления. Истерика по поводу её кризиса возникает в тех странах, которые в силу собственных расчётов

или внешних факторов утрачивают глобальное влияние.

Е.Х.: *Между тем в настоящий момент наблюдается множество публикаций и дискуссий на тему кризиса либерального миропорядка.*

В.М.: Действительно, на эту тему шумят больше всего либеральные конструктивисты и традиционалисты. Начну со вторых, которые используют критику «либерального миропорядка» исключительно для внутреннего потребления. Никаких рациональных предложений относительно нового миропорядка у них нет. Всё сводится к изменению баланса сил в управлении существующим миропорядком. Но для этого необходимо реальное изменение баланса сил, а не словесная дуэль.

Сложнее обстоит дело с дискуссиями между неолибералами и неореалистами. На этом и остановимся. Чтобы проникнуть в суть дискуссий и сэкономить время, сошлюсь на публикацию этого года американского неореалиста Дж. Миршаймера [Mearshmeier 2019]. Я комментировал недавно эту публикацию на электронном ресурсе Российского совета по международным делам³.

После распада СЭВ, Варшавского пакта и Советского Союза изменился мировой баланс сил в пользу Соединённых Штатов Америки. Руководство США и либеральные конструктивисты попытались обосновать и реализовать гегемонию Америки под видом однополярного «либерального порядка». С точки зрения происхождения концепции она имела примерно ту же самую логику, что и «мировой коммунистический порядок», «фашистский порядок», «нацистский порядок». Речь шла об игре человеческого ума, формирующего некий политический конструкт, опирающийся на социальный или политический запрос. Если излагать подходы в упрощённом

³ Михайленко В.И. По ком звонит колокол? (заметки на страницах статьи Дж. Миршаймера о крахе либерального международного порядка)// <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-kom-zvonit-kolokol/?fbclid=IwAR0zCcBBK-CwccqMllcz1CXpxa3BVxvc0h9a2oM8UgvgGbir5EBnAYIVFCM>

ном виде, то реализовывался утопический проект «демократического мира», в котором однотипные государства не воюют между собой.

Согласно точке зрения Дж. Миршаймера, в 1990-е годы США предприняли попытку вовлечь в этот однополярный «либеральный порядок», как в воронку, и Китай, и Россию. Однако попытка установить либеральную демократию в Китае и в России не удалась. Китаю помогли войти в систему международного разделения труда, ВТО, открыли американские рынки и доступ к современным технологиям, рассчитывая, что он будет трансформироваться. В каком-то смысле это было продолжением использования применительно к Китаю теории конвергенции. Но после того как стало ясно, что Китай не собирается играть по американским планам «однополярного мира», а превратился в реального оппонента США со своими видами на мировую гегемонию, новая властная элита в лице президента Соединённых Штатов Д. Трампа начала политику сдерживания Китая. Аналогичную позицию США заняли в отношении России, рассматривая воссоединение Крыма с нашей страной как нарушение международного права и проявление экспансионизма.

Какую позицию я занимаю в отношении дискуссии о кризисе «либерального порядка»? Есть кризис глобального управления, который связан с изменением баланса сил между ведущими игроками: усилением Китая и свертыванием трансформационной повестки в США. Мир перестаёт быть однополярным, и вряд ли с этим кто-то будет спорить. Но нет никакого кризиса либеральных ценностей, поскольку не существует функционирующего либерализма. В уже упомянутой статье о Дж. Миршаймере я отмечал, что классический либерализм не выдержал столкновения с «вос-

ставшими» массами и «государством-левиафаном» и ушёл с политической сцены по-английски, уступив место противостояния между прямой и представительной демократией, различия между которыми определяются реальной иерархией понятий «личность», «общество» (коммунитарность), «государство»⁴.

Нет чистой демократии в Китае, но нет её и в США. В Индии, например, демократия уживается с кастовой системой. Во всех странах существует своя специфика. Можем найти таких примеров огромное количество, и говорить, где система демократичнее, сложно. Про Британию можем сказать, что в парламенте не так сидят, не так голосуют. А вот у стандарта цивилизованности, несмотря на разнообразие политических режимов и систем, нет альтернативы.

Е.Х.: *В какую сторону меняется мировой порядок?*

В.М.: Если брать ценностные основания мирового порядка, то происходит переход к неидеологическому состоянию. Если обратиться к глобальному управлению, то, несомненно, в центре изменений находится Китай. Но Китай не готов и не будет брать на себя инициативу полюса. Китай сильно выигрывает от глобализации. Если говорить о самой инфраструктуре современного миропорядка, то будет происходить фрагментация, движение к миру регионов. Регионы будут брать на себя больше ответственности за окружающую среду, за безопасность, за то, чтобы обезопасить себя от всевластия ТНК, от всевластия крупных государств вроде США, Китая, Индии. В Центральной Азии, я прогнозирую, будет усиливаться внутрорегиональная интеграция, на которую будут накладываться интеграционные проекты США, России, ЕС и других крупных региональных игроков. Что-то похо-

⁴ Михайленко В.И. По ком звонит колокол? (заметки на страницах статьи Дж. Миршаймера о крахе либерального международного порядка)// <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-kom-zvonit-kolokol/?fbclid=IwAR0zCcBBK-CwccqoMllcz1CXp3a3BVxvc0h9a2oM8UgvQGbir5EBnAYIVFCM>

жее на «мягкий регионализм» АСЕАН. В рамках Европейского Союза национальные интересы будут пересекаться с обще-европейской солидарностью.

Е.Х.: *Валерий Иванович, Вы заговорили о борьбе регионов за свою суверенизацию как реакцию на глобализацию, а как Вы смотрите на перспективы деглобализации?*

В.М.: Полной деглобализации не будет. Суверенизация и регионализация – это некая подушка, которая смягчит глобализационные тренды, но они никуда не уйдут. От Интернета не отказаться, как и от мировой торговли. Китай – сторонник глобализации, и он первый сломает любую суверенизацию. Китай уже начинает доминировать на Балканах, где традиционно сильные позиции имели ЕС и Россия. Как изолировать эти страны, если в них присутствует Китай, который заинтересован в источниках сырья, рынках сбыта? В Соединённых Штатах Америки глобализация сломала американскую экономику, стали закрываться крупные города, металлургические предприятия, автомобильные заводы. Капитал ищет там, где выше извлечение прибыли.

Е.Х.: *С политической точки зрения, если говорить о Европейском Союзе, возможно ли в будущем, что он станет проводить более независимую от Соединённых Штатов политику?*

В.М.: Именно этот вопрос был основной темой на недавней международной конференции в Гааге. Российская делегация именно об этом и говорила европейцам: вам надо быть более независимыми. Я бы выделил два момента. Первый. Когда наш президент сказал, что Европа «подхрюкивает» Соединённым Штатам, то он говорил, на мой взгляд, иронично. Иначе он не пытался бы наладить сотрудничество с отдельными странами, не поехал бы в Италию. Путин обращается к новым руководителям ЕС с предложением активизировать участие России. Европейский Союз – это гигант, огромная структура в политическом и экономическом отноше-

нии. В военном отношении он также имеет мощные программы; он не пытается наращивать количество вооружений, но вкладывает немалые средства в технологии, которые сегодня дают другое качество. Например, мы использовали технологический прорыв для ведения гибридной подрывной политики в отношении ЕС. Европейский Союз ответил тем же. Поэтому надо иметь в виду, что в целом это достаточно самостоятельная структура, имеет свою позицию, например, по Ближнему Востоку. Европейские и американские интересы на Ближнем Востоке не совпадают. Европейцы заинтересованы в стабилизации ближневосточной ситуации, в снижении миграционных потоков, вкладывают огромные средства в решение этих задач. США заинтересованы в усилении геополитического влияния, а миграционные проблемы их не интересуют.

Е.Х.: *Вы заговорили про Россию, что она пытается наладить отношения, но мы видим, что, например, на Ближнем Востоке в отношении Сирии ЕС и США солидаризировались друг с другом против России. Москва пыталась спасти режим Б. Асада, а ЕС и США преследовали цель свергнуть режим. На данном примере мы видим, что попытки России встроиться в мировой порядок не очень успешны.*

В.М.: Мир несправедлив. Когда вы играете в какую-то игру, вы должны понимать, что есть глобальные тренды. В 1941–1945 годах какой был главный тренд? Антифашистская борьба. И Советский Союз, который в 1939–1941 годах сотрудничал с Гитлером, затем успешно встроился в антифашистский тренд и стал победителем в войне в составе антифашистской коалиции. Не только сыграл важную роль в войне, но и в послевоенном устройстве.

Сегодня мы пытаемся противостоять главному тренду. Какой главный тренд? Международная и европейская безопасность. В Стратегии по безопасности ЕС 2003 г. записано, что никогда ещё Европа не была столь безопасной, как в этот пери-

од. А в 2016 г. в новой Глобальной стратегии были зафиксированы новые угрозы, связанные с односторонними действиями России. Неважно, справедливой или несправедливой позиции мы придерживаемся, но нас рассматривают как ревизионистов. А как реагировать на слова о том, что Россия как медведь, для которого не существует границ? Или недавно введённое на официальном уровне понятие «историческая Россия». Вы не можете одновременно использовать «мягкую силу» в виде интеграционных проектов и оставлять двусмысленность относительно использования «жёсткой силы».

Относительно европейской безопасности, это прежде всего проблемы стабильности в «серых зонах». Для ЕС «серые зоны» безопасности — это Украина, Молдова, Грузия, Армения, Белоруссия. Мы воспринимаем расширение НАТО как угрозу нашей безопасности. Одна из первых задач строительства европейской безопасности должна заключаться в том, чтобы достичь некоего компромисса, соглашений по сохранению статус-кво в этих «серых зонах» безопасности.

Если НАТО, например, возьмёт Украину под своё крыло, то мы будем расценивать это как угрозу нашей безопасности. Наша реактивная политика связана с недопущением Украины в НАТО и Европейский Союз. В Гааге, например, шёл спор о важности соблюдения Минских соглашений, о Нормандском формате. Это полезно, но мелко. На мой взгляд, необходима новая европейская конференция по типу Хельсинки-2, чтобы разграничить зоны безопасности.

Е.Х.: *Возможен ли такой компромисс в ближайшей или среднесрочной перспективе?*

В.М.: Думаю, в ближайшее время маловероятно. Любые переговоры, кроме актов о капитуляции, как мы знаем, это компромисс. Чего ждёт Европа? Она ждёт предложений по Украине и по Крыму с нашей стороны. Референдум в Крыму уже проведён, но может быть мониторинг, опрос под международным контролем, чтобы

убедились, что 60 или 70 процентов крымчан выступают за вхождение в Россию. И таким образом на международном уровне легализовать принадлежность Крыма и нормализовать отношения с ЕС. Если кто-то всерьёз рассчитывает расшатать единство ЕС по российскому вопросу, то это приведёт к выброшенным на ветер деньгам.

В условиях, когда мы поддерживаем конфронтацию с США, их позиция по Украине будет отличаться от европейской. Они будут стремиться поддерживать российско-украинские отношения в «раскалённом состоянии». В чём не заинтересован ЕС. Для США их проблемы европейской безопасности являются не столь важными, они заинтересованы в том, чтобы держать на крючке Европейский Союз. Поэтому нам надо продолжать выстраивать отношения с отдельными европейскими странами. Сейчас новое руководство ЕС, оно свободно от тех решений, которые были приняты ранее по санкциям.

Е.Х.: *Валерий Иванович, я бы хотела перейти от современных глобальных вопросов к межвоенному времени, поскольку Вы являетесь специалистом и по этим сюжетам. Тем более истоки многих происходящих событий лежат именно в межвоенном времени. Какой момент Вы бы назвали точкой бифуркации в повороте мира ко Второй мировой войне?*

В.М.: Я бы назвал Рурский кризис 1923 года. С него начинается умиротворение. Умиротворение — это то, что у нас называли: «Западный капитал вскормил Гитлера и Муссолини». На самом деле, когда мы видим политику американских банков по восстановлению Германии («План Дауэса» и «План Юнга») в рамках Веймарской республики, Советский Союз также поддерживал тесные связи, в том числе военные, с Германией и Италией. Переломный же момент — это кризис 1929–1933 годов. Он фрагментировал мир. Практически Лига Наций перестала выполнять роль гаранта безопасности. Формально она продолжала существовать,

но исчез сам смысл Лиги Наций как организации, которая осуществляла глобальное регулирование.

Мир в то время был европоцентричен. Применялись санкции к государствам-агрессорам Японии и Италии. Из-за этого кризиса американские банки ушли из Европы, США замкнулись в Доктрине Монро, в изоляционизме. В 1929–1932 годах министр иностранных дел Италии уговаривал США вернуться в Европу. Почему? Германия и Италия оказались один на один с кризисом, без финансовых заимствований. У них не было своих сфер влияния, колоний. У Великобритании и Франции были колониальные империи, оставлявшие им возможности для экономического манёвра. Германия и Италия приступают к реализации собственных планов борьбы за «жизненное пространство».

Е.Х.: *Как раз про Италию хотелось бы поговорить отдельно. Известно, что Рим пытался дипломатическим путём в 1920-х — начале 1930-х годов пересмотреть территориальные условия Версальской системы в свою пользу, но потом перешёл к агрессивной политике. В чём причина? Не смог договориться?*

В.М.: До 1934 г. Италия была одним из наиболее стабильных сторонников Лиги Наций, и она действительно пыталась мирным путём добиться изменения Версальской системы. Было несколько соглашений по пересмотру территориальных итогов Первой мировой войны в пользу Италии в 1920-х годах. В 1937 г. было достигнуто «Пасхальное» соглашение о разделе сфер влияния между Италией и Великобританией. Почему всё-таки ничего не вышло? Потому что на фоне Германии итальянские интересы были вторичны для Франции и Великобритании, и итальянцы понимали, что договориться мирным путём уже не удастся.

Е.Х.: *Было ли проитальянское лобби в этот период в Великобритании и во Франции?*

В.М.: Глава правительства Н. Чемберлен был сторонником соглашения с Муссоли-

ни. У итальянцев было, как минимум, 3–4 закрытых канала, по которым шли переговоры между Лондоном и Римом. Это было почти все 1930-е и продолжалось до вступления Италии в войну, а возможно, даже позже. В сентябре 1945 г. Черчилль искал на берегу озера Комо чемоданы с перепиской с Муссолини, которая могла бы его скомпрометировать. Время от времени в Италии появляются то дневники Муссолини, то отдельные документы якобы из найденных чемоданов. Были группы поддержки в США. Сам фашистский режим претендовал на универсальный характер своей идеологии.

Е.Х.: *Известно, что Муссолини не симпатизировал Гитлеру и его режиму, однако всё-таки пошёл на сближение с Германией. В чём причина? В том, что не удалось договориться с Францией и Великобританией и не осталось альтернатив?*

В.М.: Да. Это был чистый прагматизм. Муссолини смотрел на Гитлера как на выскочку. Себя считал интеллектуально выше.

Е.Х.: *Валерий Иванович, Вы не считаете, что если бы не произошло сближения Берлина и Рима, то фашизм остался бы в Италии надолго?*

В.М.: Вполне возможно. Фашистский режим осуществил достаточно глубокую экономическую, социальную и политическую модернизацию, которую не решила незавершённая буржуазно-демократическая революция (Рисорджименто). Он создал систему социальных и политических связей между массами и властью, придал вес государству. Как сформулировал Муссолини «всё в государстве, ничего вне государства и ничего против государства». Тем не менее исторически подобные государства-монстры имеют ограниченный ресурс жизни. Не важно, под какими лозунгами. Вступление Италии во Вторую мировую войну усугубило кризис фашистского государства, рассыпался консенсус между режимом и массами. Кем был свернут Муссолини? Своими едино-

мышленниками, военными и королевским двором.

Е.Х.: Почему?

В.М.: Много государства не означает сильное государство. Такие государства могут сделать экономический прорыв, быть эффективными в экстремальных ситуациях через мобилизацию масс. Но перенапряжение ресурсов, особенно человеческих, обескровливает государство, и оно перестаёт быть эффективным.

Е.Х.: В 1995 г. итальянский писатель У. Эко сформулировал 14 признаков фашизма. Но многие можно отнести и к дофашистскому периоду. В чем, на Ваш взгляд, специфика фашистской Италии?

В.М.: Скажу сначала словами братьев Стругацких: «Фашизм — это просто». У Р. Дарендорфа есть книга «Квадратура круга». В ней он обращает внимание на то, что во многих странах существует только фасад демократии. Отсюда, возможно, единственным признаком демократии становится свободная добровольная смена властвующих элит.

Как я уже отмечал ранее, известны два вида демократии: представительная демократия и прямая демократия. Фашизм, национал-социализм, коммунизм — это претензия на прямую демократию. Связь лидера (дуче, фюрера, каудильо, вождя) с народом осуществляется напрямую, а в италофашистском варианте — через корпорации. На первый взгляд прямая демократия более эффективна. Но она нигде не показала полную эффективность. Она либо скатывалась в авторитарный режим, либо в другие разновидности таких систем. Это почти всегда милитаризация, почти всегда концепция осаждённой крепости, потому что задача таких государств — поддерживать массы всё время в напряжённом состоянии.

Е.Х.: А с чем связана, на Ваш взгляд, популярность нынешних неофашистских организаций в Италии, популистских партий?

В.М.: Моя принципиальная позиция — классический фашизм закончился в 1945

году. То, что сегодня называют неофашизмом, — это определённые проявления популизма, расизма, в Италии это и антимиграционная мобилизация. Я бы не стал огульно критиковать те популистские движения, которые появились. Это явление связано с естественной сменой политических концепций, уходом классических партий с политической сцены, ротацией политических элит. В послевоенной Италии было несколько таких волн. Одна волна прокатилась в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда в состоянии кризиса вступили классические партии. Перед этим было чёткое деление на левых и правых. Социальные изменения привели к тому, что ослабла зависимость политических партий от определённых социальных слоёв. Сейчас большую роль играют индивидуальные пристрастия, проблемы, которые предлагают решить партии. На каком-то этапе это может быть экология, тогда зелёные идут вверх. В каких-то странах, как в Италии или Британии, например, проблемы нелегальной миграции являются чувствительными. Движение Пяти звёзд — это даже не популистская партия, это некий микс. В Великобритании классические партии оказались в состоянии глубокого кризиса. Идут новые процессы, это надо понять.

Е.Х.: Валерий Иванович, в конце позволите несколько личных вопросов. Как Вы сами себя идентифицируете: Вы в большей степени учёный или преподаватель?

Большую часть жизни, проведённой в университете, я выступал в качестве организатора. В армии я получил организационный опыт и затем занимал должности замдекана истфака, декана рабфака. Открыл Итальянский колледж как структурное подразделение университета для детей 10–11-х классов. Открыл направление международных отношений и реализовал его в успешный факультет. 1990-е годы были для меня самыми плодотворными, я организовал более 100 рабочих мест. И только вот сейчас освободился. А в душе я человек науки.

Е.Х.: *Если говорить о преподавательской работе, сейчас очень много дискуссий, что поколение студентов другое, так называемое поколение Z, которое нужно учить по другим форматам. Вы ощущаете, что студенты другие и качественно другие?*

В.М.: Да, они действительно другие. Когда вы приходите в аудиторию, где 150 человек, вы должны понимать, что есть студенты с очень высоким интеллектуальным уровнем и есть студенты с недостаточной подготовкой. Большой разрыв. И задача состоит в том, чтобы и тем и другим было интересно. Самое главное – надо быть честным с аудиторией. Студенты очень чувствительны к фальши. Сегодня это достаточно сложно. Если ты честно работаешь с аудиторией, то ты не можешь обойти острые темы. Вот и балансируешь на острие ножа. Наконец, ты должен понимать, что по политическим пристрастиям современная аудитория является крайне противоречивой. Важно убедить студентов в необходимости диалога с любой точкой зрения. Я изначально говорю, что излагаю авторскую позицию, и студенты могут вступать со мной в диалог, необязательно публичный, по вещам, с которыми не согласны. Важно сформировать у студентов культуру диалога. Но в целом у меня нет ощущения неудовлетворённости от работы со студентами. Я не чувствую себя устаревшим. А для этого надо держать себя в тонусе.

Е.Х.: *Вторая дискуссионная тема – наступление новой цифровой эпохи. По всему миру идут дебаты о смене акцентов в парадигме обучения, об изменении роли гуманитарных наук. Вы ощущаете какие-то изменения в образовательном процессе в этой связи?*

В.М.: В своём университете я это не ощущаю. Но если выйти за пределы, то в Японии, например, закрыли гуманитарные факультеты. У нас любят ругать, например, Болонскую систему, даже уничижительно «болонкой» называют, но это происходит потому, что мы используем только часть Болонского процесса. В Италии, например, тот уровень подготовки, который у нас на 1–2-м курсе в бакалавриате, осуществляется за пределами университета в так называемых институтах. Там функционирует система, которая напоминает техникумы. В Италии профессора часто спрашивают: ты университетский или институтский профессор? Философия в институте преподаётся на самом серьёзном уровне. И если в вузе нет общеобразовательных дисциплин, то не потому, что они второстепенны, а потому что они реализованы на предшествующем уровне обучения.

Е.Х.: *Какое будущее у гуманитарной сферы, на Ваш взгляд?*

В.М.: Я думаю, что только глупые руководители недооценивают гуманитарную сферу – это культура, этика, взаимоотношения между людьми. Да, можно выстроить, например, систему, как у нас, проектной деятельности. Она имеет положительные моменты, но ушло в сторону индивидуальное обучение написанию научных работ. С одной стороны, мы учим, как работать в группе, коллективе, с другой – навыков индивидуальной работы не хватает. Должен делаться упор на разные виды работ, на углубление гуманитарных предметов.

Е.Х.: *Валерий Иванович, будем надеяться, что Ваши слова будут услышаны. Спасибо!*

Список литературы

- Михайленко В.И. Ценностные основания ялтинского и нового мирового порядка // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции: Материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 24 декабря 2015 г. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2016. С. 136–142.
- Парлато Дж. От фашизма к постфашизму: преемственность и отличия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 120–130.

Mearsheimer J.J. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // *International Security*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.

Uso della forza e legittima difesa nel diritto internazionale contemporaneo / a cura di A. Lanciotti e A. Tanzi. Napoli: Jovene ed., 2012. 504 p.

References

Mearsheimer J.J. (2019). Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.

Mikhailenko V.I. (2016). Tsennostnye osnovaniya yaltinskogo i novogo mirovogo poryadke [Axiological Foundations of Yalta and New World Orders]. *70 let Yaltinskoj konferentsii stran antigitlerovskoj koalitsii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, Yekaterinburg, 24 dekabrya 2015 g.* Yekaterinburg: Ural'skij universitet. P. 136–142.

Parlato G. (2010). Ot fashizma k postfashizmu: preemstvennost' i otlichiya [From Fascism to Post-Fascism: Continuity and Differences]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. No. 2 (75). P. 120–130.

Lanciotti A., Tanzi A. (2012). *Uso della forza e legittima difesa nel diritto internazionale contemporaneo*. Napoli: Jovene ed. 504 p.